

Общая газ. - 1995.
23 нояб. -
с. 10.

Н О М О С C R I B E N S

Реализм, а приятно

О прозе Петра Алешковского

РЕАЛИСТИЧЕСКОЕ письмо ныне то ли в диковинку, то ли в опостыл. И то, скажите, легко ли читать подробные описания того, что и так надоело? Или, еще хуже, выдуманно в высших воспитательных целях? Ибо, если посмотреть, нет жанра «умышленной», нежели реализм. То сочиняли жизнь, какой она «должна быть», с ее идеальными нормами служения долгу, партии, государству. То выплеснули подавленные цензурой «чернуху-порнуху», от которых выть хочется. Какое тут реалистическое описание! Чего описывать!.. Где она «действительность»?

Да, были, говорят, в свое время настоящие писатели. Возили эполеи в редакции толстых журналов на саночках: ни в какие портфели не помещались. Умели описывать подробно, с диалогами и психологическими нюансами то, чего в жизни не было, а постановлением партии соответствовало. Но попробуй-ка сегодня описать «совписовским реализмом» загадочное убийство банкира, явление привидений, неразделенную любовь к обезьяне, не говоря уже о всемирном заговоре против президента, осуществленном службой охраны самого президента! Увы, совсем другой писатель нужен для этого. Никак не совместимый с умом, честью и учительской совестью нашей эпохи. Мысли в динамике укорачиваются, душа в крутом сюжете скукоживается, и вообще читателю и писателю надо долго отбивать следующее после книги «последкуние».

Потому что для широкого, протяженного реалистического письма нужно дыхание, а стало быть, душевные покой и воля, а значит, укорененность и приязнь к окружающей тебя среде, которую не лень сидеть и описывать с подробностями, а следовательно, и с внутренним смыслом. Но где их сегодня взять? Негде. И поэтому явление подобного писателя — а Петр Алешковский именно такой реалист — вызывает сложные чувства: от радости и ностальгии до зависти и подозрительности, а не врет ли, чай?

Про самого писателя не скажу, но героев своих Петр Алешковский укореняет. В природной ли жизни, как героев давней повести «Птицы», в истории ли, как поэта Василия Триаковского (роман «Арлекин»). Потому что как можно внимательно вглядеться и понять то, что сиюминутно и бессмысленно? В чем находить принадлежность к бытию — новому и удивительному, а потому и заслуживающему специального описания? Проза Петра Алешковского интересна именно опытом нового русского реализма.

Повесть «Жизнеописание Хорька» («Дружба народов», 1993, № 7) — самое известное произведение писателя — в этом смысле показательна. Герой повести — злобный, недоделанный гаденыш, явный мутант окружающей среды, пьяни, нелепицы, сам мелкий убийца и ворышка — ищет внутренние ресурсы для выживания

в этом мире. При естественной недоразвитости интеллектуальных свойств на первое место выходят ощущения: слух, зрение, осязание, чисто животная чувственная память, экстаз. Единственное место, где ему хорошо, — там, где нет людей. В лесу, где несволочная жизнь полна сказочных первоощущений и похожа не то на сон, не то на святость. И люди, попадающиеся там, чище — охотники, умельцы, мудрецы — не то что городская шваль. Сунулся Хорек своим нутряным чутьем в Церковь, но и там грязь, бред, истерики человека. Волочет жизнь Хорька за собой — насквозь открыта его безжалостному взгляду — и приводит, конечно, обратно в русский лес, в болото, где как раз и обитает в скиту святой инок, соединивший Бога и лес, «красотой которого можно любоваться, как иконой». Мечта безродного городского интеллигента (неудивительно, что повесть П. Алешковского имела такой успех). И когда потом Хорек спит на святом камне близ деревни, камень парит над землей, что могут засвидетельствовать местные бабки.

Менее удалась попытка писателя в последнем, только что опубликованном романе «Владимир Чигринцев» («Дружба народов», 1995, № 9, 10) укоренить своего героя в старинном дворянстве и советском профессорстве. Герой П. Алешковского больше сбивается на хамскую скороговорку и среднелитературный треп новейшего «мещанского» романа. Семейное предание, подкрепленное историческими разысканиями в эпоху Екатерины Великой, курьезные поиски фамильного клада, колесящийся по России «жигуленок» — все мельтеши и мелькает. Присутствуют: слависты и бизнесмены, пьяницы и лакеи. Плюс еще предки-оборотни сходят с фамильных портретов, а ведьмы в шаровых молниях летают с помелом над родовыми руинами. Подробные описания одного, другого, третьего сменяют друг друга. Реалистическое письмо, как и жизнь, засасывает инерцией и перечислением. Трудно остановиться, а продолжать незачем. Город, больница, смерть родственника, недолюбовь, муторное деревенское пьянство, гаишники, мелкие мафики, баба в гостинице — жизнь без лица и названий, сколько ее ни описывай пером мастера, так и останется призрачностью, случилась ли она в жизни, прочитана ли в толстом журнале. Нынешнюю нервную дребедень и пустые хлопоты ни на какой кобыле протяженного слога и сюжетосложения не объедешь! Сама реальность «провисает» пыльным мешком. Еще русский язык трепать об этот бред...

Три десятка коротких рассказов Петра Алешковского, составивших только что вышедшую книгу «Старгород. Голоса из хора» (М.: Изд. им. Сабашниковых, 1995), написаны совершенно иначе — как бы на одном-единственном и исчерпывающем душевном движении.

Есть такие рисунки-тушь — росчерком пера, сразу улавливающим суть. Сколько вокруг людей, столько историй можно о них сочинить. Историй-анекдотов, то коряво, то изысканно складывающихся в только этому человеку свойственную фигуру, называемую, впрочем, жизнью.

Старгород — некий северный областной русский город, откуда речь уведет читателя и в лесную глухомань, и в столичный университет, и в болото, и в ПТУ, и в зону, и в писатели-славянофилы, и в звонари, да хоть в Америку и в жития святых — где только нету старгородцев!.. И хитро книжка сделана: вроде люди и люди — все на одно лицо, на один голос, нынешний, хоровой. А присмотришься — нет, разные, а только вместе дают созвучие, не нами слышимое, не нами дополняемое.

Вот две девушки из книжного магазина едут в Москву проветриться, прибаракхлиться. Одна из них не такая, как другие. Принца ждет. И, как водится, встречает его. У Большого театра, с большим букетом роз, с лишним билетом. Потом едут с ним в гостиницу «Центральная», где остановились подружки (книжный дефицит тогда много позволял), выпивают, как водится, и закусывают, а наутро он встает, нежно целует ее и спрашивает: «Тебе было хорошо?» — «Хорошо», — отвечает она, утопая в счастье. — «А за хорошо платить надо». — «Ну и возьми в кошельке, там триста рублей на сапоги отложены». Вроде все в шутку, а он взял деньги, оделся и ушел, вот тебе и шутка, она не опомнится, а подруга зашла и говорит: «Да не убивайся, я у него вечером «Сейко» взяла со всеми этими шифрами и прибамбасами, сейчас отдать хотела, но если уж такое дело, то не отдам, а они раза в два дороже того будут, что он у тебя взял». Поплакали, посмеялись и обратно в Старгород в вагоне СВ поехали.

Голоса из хора... Вот внук репрессированного попа, он же сын репрессированного партизана, сам отсидевший, ставший мясником в магазине, да неужто он не отомстит сыну и внуку тех энкаведешников, которые всех гробили? Конечно, сломает этот нынешний хозяин жизни честного лейтенанта-гаишника, чтобы тот знал, на каком свете живет. А злобно выйдет мясник провазашитником и мстителем всем коммунякам!

Жара ли, холод, а народ гуляет себе, и писатель точит свое перо. Описывает их изнутри и снаружи, складывает в исчерпывающие сюжеты, и из них, как из самой жизни, уже не вырваться. И писатель, знай себе, выдает это дело за душеспасительное: мол, вот как надо людям интересоваться, чтоб о каждом написать до самой последней его фиоритур и ситуивины... И чтоб постепенно вся анекдотическая притча нашей жизни наружу вылезла. Поскольку не в классическом романе живем, а именно что между притчей и анекдотом.

Игорь ШЕВЕЛЁВ